

Глава 5. Желтая птица (III)

Мэнгута́й влез в разговор:

— Ох уж эти ханьские имена, вечно с ними морока: и фамилия, и имя, да еще и второе подавай!

Мэн Хуань непроизвольно вскинул взгляд, а Лянь Шэнь почувствовал легкое смущение — он ведь тоже носил ханьское имя.

Чжан Чэньи, не обратив на выпад внимания, продолжил:

— Человек этот, несмотря на юные годы, весьма талантлив. Дед не раз уговаривал его поступить на службу, но тот наотрез отказывался, раз за разом находя оправдания.

— Почему же? — удивилась Ясу.

Чжан Чэньи едва заметно улыбнулся.

— Да из-за чего еще? Из-за гонора этих грамотеев, — тихо обронил он.

На самом деле Чжан Чэньи лукавил. Упрямство книжников было лишь верхушкой айсберга: Сун Чжи всем сердцем хранил верность павшей династии Сун и не желал склоняться перед двором великой Юань. Однако говорить об этом вслух было не принято.

Мэн Хуань, хоть и носил ханьское имя, в душе оставался истинным монголом. Он презирал литераторов и ни в грош не ставил их пресловутую «непоколебимость».

— Глупость, — бросил он, пригубив вина.

Чжан Чэньи усмехнулся:

— Вы тоже так считаете, брат Мэн? — Будучи ханьцем по крови, он, разумеется, использовал привычное обращение. — Вот и я того же мнения. Мальчишка слишком упрям. Он ни в грош не ставил милость моего деда.

Хао Янь полюбопытствовал:

— И что же было потом?

— Потом? — переспросил Чжан Чэньи. — Он так нагло перечил деду, что я самолично

выставил его за дверь.

— Жаль его таланта, — вздохнул Хао Янь.

— Не так уж много там было таланта, — отрезал Чжан Чэнъи. — Просто дед видел, что он одинок и не имеет опоры, вот и хотел помочь, а тот оказался неблагодарным.

Мэнгутаи поднял кубок:

— Пьем! К чему вспоминать об этом? Книжники испокон веков славятся своим занудством и твердолобостью.

***

Три дня спустя, в день Бинъю, императорский кортеж прибыл в Даду.

Ши-цзу в окружении сановников, наложниц и свиты торжественно въехал в столицу через ворота Цзяньдэ. Длинная процессия растянулась на сотни метров: породистые скакуны, расшитые паланкины — зрелище было поистине величественным. Стоявшие у ворот чиновники разом пали ниц, оглашая окрестности здравицами в честь императора.

Каждый год в это время Сю-нянь приводила Сун Чжи на улицу, заставляла затеряться в толпе и, понизив голос, шептала ему, еще ребенку:

— Смотри внимательно, господин. Вот этот человек... он погубил нашу Сун. Из-за него не стало ваших родителей.

«Запомни его лицо. Эту ненависть за гибель страны и рода ты должен пронести через всю жизнь!»

Но в этом году Сю-нянь молчала. Она пряталась в тени переулка, не преклоняя колен, и не отрываясь смотрела на мужчину, восседавшего на высоком коне в центре процессии. Простые люди не смели поднимать глаз на Сына Неба, но она была исключением.

Лишь когда кортеж скрылся в глубине города, направляясь к дворцовым стенам, она отвела взгляд и зашагала обратно по переулку. Сун Чжи, опасаясь, что она сгоряча совершит какую-нибудь глупость, облегченно вздохнул и последовал за ней.

Оборачиваясь, он невольно заметил знакомую фигуру — в хвосте процессии на коне ехал Мэн Хуань.

«Какое невезение», — подумал Сун Чжи и поспешил прочь.

Словно по иронии судьбы, в конце месяца ему пришлось отправиться к дому Чжан Хуэя, чтобы передать картину. Те десять лянов серебра, что он получил недавно, частично ушли на похороны Бай Шестидесят Шестого и уже закончились — в доме Сун Чжи буквально шаром покатило. Ему было больно смотреть на уставшие глаза Сю-нянь, и он, не желая, чтобы она надрывалась над вышивкой, сам написал картину на продажу.

Беда пришла откуда не ждали. Прямо посреди пути сверху, словно кара небесная, рухнул чайник. Он угодил точно в свиток. Кипяток выплеснулся наружу, не только безнадежно испортил рисунок, но и больно обварив руку Сун Чжи.

Опешив от такой несправедливости, он хотел было призвать к ответу того, кто сидел наверху, но, подняв голову, столкнулся взглядом с Мэн Хуанем.

Сун Чжи помрачнел. Правое предплечье саднило, кожа покраснела от ожога, но куда страшнее было то, что картина погибла, а рука пострадала. Он не знал, как они будут выживать дальше. Стиснув зубы от боли, он поднял испорченный свиток.

Сверху донесся звонкий девичий голос, источавший ярость:

— Ничтожества! Криворукие твари! Даже чаю заварить не можете. Зачем вы мне такие нужны? Всех пуцу на корм волкам!

«Интересно, чья это дочь так бесчинствует? — подумал Сун Чжи. — Совсем стыд потеряла!»

— Ох, господин? — едва он наклонился, перед ним остановился человек. Голос звучал встревоженно и удивленно: — Беда-то какая! Сильно вы обварились?

Незнакомец помог Сун Чжи поднять свиток и с искренним огорчением добавил:

— Какая работа погибла!

Сун Чжи удивился: картина ведь еще не была развернута, как он понял, что она хороша? Подняв глаза, он увидел молодого человека. Тот, поймав его взгляд, мягко улыбнулся, прищутив глаза в два полумесяца.

— Как мне величать вас, почтенный? Мое имя — Ци Люйцянь, вторым именем кличут Бохэном.

Сун Чжи впервые слышал, чтобы его называли «господином» или «почтенным». Увидев перед собой Ци Люйцяня в простом, но добротном пурпурном халате с изысканной нефритовой подвеской на поясе, он поспешно отмахнулся:

— Что вы, не стоит... Мое имя Сун Чжи, второе имя — Цзилань.

— Вы слишком скромны, господин Сун, — возразил Ци Люйцянь. Все еще держа свиток в руках, он любопытно спросил: — Позволит ли Бохэн себе дерзость взглянуть на ваше творение?

— Боюсь, смотреть там больше не на что, — с горечью ответил Сун Чжи. — Чай погубил бумагу.

— Раз испорчена — выбрось, да и дело с концом.

Голос донесся от входа в ресторан. Обернувшись, Сун Чжи увидел Мэн Хуаня. Тот неспешно выходил на улицу, заложив руки за спину. В каждом его шаге и слове сквозило ленивое высокомерие.

Ярость вспыхнула в душе Сун Чжи:

— Офицер Мэн так легко распоряжается чужим трудом? Вы испортили картину, и это всё, что вы можете сказать?

Мэн Хуань усмехнулся и, сорвав с пояса кошель, язвительно бросил:

— Подумаешь, пара лянов. Считаю это милостыней. Держи.

Он не сказал «возмещение», он сказал «милостыня». Кошель упал к ногам Сун Чжи.

Поднимать его тот, разумеется, не стал.

— Кипяток обварил мне руку. Офицер Мэн не желает объясниться? — холодно спросил он.

— Объясниться? — Сверху снова раздался тот же девичий голос.

Вслед за Мэн Хуанем из здания выпорхнула монгольская девушка. Ее иссиня-черные волосы были заплетены в косы, украшенные жемчугом и нефритом, которые мелодично звенели при каждом движении. Она подошла к Мэн Хуаню и, по-хозяйски взяв его под руку, вздернула подбородок.

— Это я швырнула чайник, — заявила она, и голос ее был чист, как горный ручей. — При чем тут Хацзиэр? Каких еще объяснений тебе надобно?

Ци Люйцянь, словно внезапно что-то вспомнив, поспешно согнулся в поклоне:

— Что вы, что вы! Раз чайник бросила сама госпожа Чомань, то для нас это великая честь. Какие тут могут быть объяснения?

Чомань, дочь великого полководца Баяна. Ее мать — сестра канцлера Аньтуна. Эта девчонка была куда опаснее самого Мэн Хуаня.

Чомань довольно улыбнулась. Скользя взглядом по Ци Люйцяню, она милостиво бросила:

— А ты сообразительный.

Мэн Хуань, усмехнувшись, забрал свиток из рук Ци Люйцяня, развернул его и прищурился.

— Так ты и есть Сун Цзилань?

Он мельком видел этого юношу на улице несколько дней назад, но тогда не придавал значения. Теперь же, стоя вплотную, он ощутил странное чувство: эти глаза, этот взгляд казались ему смутно знакомыми, но он никак не мог вспомнить, где встречал их прежде.

Сун Чжи смотрел на него с нескрываемым подозрением.

— Резиденция правого советника Чжана здесь неподалеку, — продолжил Мэн Хуань. — К нему направлялся?

Правое предплечье Сун Чжи нещадно жгло.

— Тебе-то какое дело? — огрызнулся он.

Вернув картину, Мэн Хуань хмыкнул:

— Ты ведь вроде бы отказывался от службы. Что же теперь, передумал? Пришел просить милости у господина Чжана?

— Откуда ты об этом знаешь? — вырвалось у Сун Чжи.

— Выведывал ли я о тебе? — Мэн Хуань расхохотался. — Мальчишка, ты слишком высокого о себе мнения.

Чомань нетерпеливо вмешалась:

— Хацзиэр, этот ханец ведет себя дерзко. Прикажи побить его, да и дело с концом! К чему

тратить на него слова?

Ци Люйцянь тут же запричитал:

— Пощадите, госпожа! Мальчишка в жизни не видел столь знатных особ, вот и растерялся, позабыл о приличиях. Проявите великодушие, простите его на этот раз!

Ци Люйцянь умел располагать к себе: его лицо, казалось, всегда лучилось доброжелательностью. Чомань не удержалась от колкости:

— Ладно, его отпущу. Но, может, тогда тебя побить?

Ци Люйцянь соорудил жалобную гримасу:

— А если госпожа ручки себе отобьет? Что тогда делать станем?

Заметив, что лоб Сун Чжи покрылся испариной от боли, Люйцянь поспешно добавил:

— Госпожа, вы так добры и милосердны... Цзилань сильно обжегся. Если не лечить, он может и вовсе руки лишиться!

Чомань не знала, можно ли потерять руку от ожога, но, услышав это, невольно вздрогнула. Вытащив из-за пояса Мэн Хуаня пачку ассигнаций, она сунула их Ци Люйцяню.

— Веди его скорее к лекарю!

Поблагодарив Чомань, Ци Люйцянь потащил Сун Чжи к ближайшей лечебнице.

Вскоре они остановились перед скромным домом. Над дверью висела вывеска: «Исцеление страждущих. Искусство, возвращающее весну». Дверь была приоткрыта, а внутри за столом дремал сухонький старик.

Сун Чжи не успел и слова сказать, как Ци Люйцянь распахнул дверь и зычно крикнул:

— Папаша Лу!

Старик вздрогнул, едва приоткрыл один глаз и пробурчал:

— Сегодня не принимаю.

Ци Люйцянь подтолкнул Сун Чжи к нему:

— Брось ты ворчать... Глянь-ка лучше на руку господина. Одна взбалмошная девица облила его кипятком. Если не поможешь, как же он будет стихи писать да картины малевать?

«Перед знатной дамой — "великая госпожа", а за глаза — "взбалмошная девица"», — подумал Сун Чжи, криво усмехнувшись.

— Почтенный, прошу вас, явите свое мастерство. О плате не беспокойтесь.

— Почтенный? — Старик фыркнул. — Обычный лекаришка, не стоит титулов.

Впрочем, папаша Лу медлить не стал. Он осторожно разрезал рукав, осмотрел рану — ожог оказался не самым глубоким, кожа покраснела, пошли пузыри, но кость не задело. Лекарь быстро набросал рецепт на листке.

— Тут мазь и настой для приема внутрь. Делай всё, как написано, и всё заживет.

Ци Люйцянь, оставшись довольным, выложил на стол крупную ассигнацию:

— Сдачи не надо, это щедрость великой госпожи.

Старик не стал церемониться: взял бумагу, внимательно изучил цифры и, удостоверившись в сумме, расплылся в улыбке, став похожим на сушеную хризантему.

— Доброго здоровья госпоже! Благодетельница!

Сун Чжи лишь молча покачал головой.

Ци Люйцянь выудил оставшиеся деньги и всучил их Сун Чжи:

— Бери, пригодятся.

— Но я не могу... — начал было тот.

— Не спорь, — перебил его Люйцянь. — Госпожа велела отдать тебе — значит, бери.

Сун Чжи вздохнул. Картина погибла, рука ранена — несколько лянов серебра сейчас были ох как не лишними.

Забрав рецепт и поблагодарив папашу Лу, они вышли из лечебницы.

Ци Люйцянь спросил:

— Вы сейчас за лекарствами? Давайте я вас провожу.

— Благодарю за доброту, — ответил Сун Чжи. — Но я не смею более называть вас «господином», да и сам я недостойн такого титула. Пожалуйста, зовите меня просто Цзилань. И я справлюсь сам, не стоит утруждать себя.

Ци Люйцянь отмахнулся:

— Раз я зову тебя Цзиланем, то и ты забудь про чины. Зови меня Бохэном.

Он по-дружески приобнял Сун Чжи за плечо:

— Ну же, пойдём. Мы ведь теперь друзья, а друзей не прогоняют.

Сун Чжи про себя подумал: «Какие же мы друзья? Видимся первый раз в жизни».

Но Бохэн уже тянул его вперед:

— Пойдем, пойдём, хватит лишних слов!

<http://bllate.org/book/17487/1692646>